

для подкрепления выдвинутых положений широко, но вместе с тем критически, использует существующие в научной литературе сведения по исследуемому вопросу. Свежей мыслью для коми и финно-угорского языкознания, доказанной на многочисленных примерах, является то, что механизм субстантивного словопроизводства с помощью суффиксов данной группы заключается, во-первых, в создании специфических образований (*õdõm* 'нагревание', *yokõm* 'деление', *pyššyalyсь* 'беглец', *võralyсь* 'охотник', *visян* 'болезнь', *сьян* 'еда', *чушкан* 'пчела'), сохраняющих в глубинной структуре глагольные характеристики, в плане же выражения являющихся существительными со всеми его грамматическими и синтаксическими характеристиками; во-вторых, в постепенном подавлении в них глагольных свойств и семантическом отходе производных имен от производящих глагольных основ путем приведения в соответствие семантики отглагольного имени с категориальным значением существительного. По мнению рецензента, однако, не было необходимости останавливаться на понятиях вида и залога и их особенностях в этом разделе (с. 98, 101).

Большой интерес представляет третий раздел, где рассматриваются все суффиксы, возникшие в результате грамматикализации знаменательных слов. Серьезное внимание уделено процессу эволюции знаменательных слов в служебные морфемы. При анализе суффикса *-лун* автор склоняется к мнению, что возникновение абстрагирующих суффиксов из знаменательных слов предполагает достаточно высокую степень языкового и социального развития, чем объясняется отсутствие в современных финно-угорских языках общих деривационных элементов для абстрактных имен при наличии лишь об-

щих принципов их формирования. По тем же принципам, что и коми *-лун*, возникли суффиксы абстрактного значения, например, в мордовских языках. Вторая глава посвящена заимствованным суффиксам. Выделяются две группы таких суффиксов: 1) раннего и 2) более позднего заимствования. Отмечен ряд особенностей этих суффиксов, в частности, они должны вступать в словообразовательные отношения прежде всего с исконно коми основами. Здесь автор, как правило, не ограничивается выявлением, систематизацией и описанием языковых фактов (хотя и это само по себе важно и нужно, так как вводятся в научный оборот ценные данные), но подходит к ним диахронически. У рецензента имеется одно замечание по этой главе. Нам думается, что суждения автора о суффиксе *-ка* в плане его заимствования из русского языка не могут быть приняты как доводы в пользу положительного решения вопроса. Факты из других финно-угорских языков, в частности мордовских, позволяют возвести этот суффикс к общефинно-угорскому **-kk*.

В третьей главе автор характеризует в целом систему словообразовательных средств коми существительного, имея в виду при этом их генезис, звуковую форму. Интерес представляют ее рассуждения о «природной материи» суффиксов. С такой точки зрения коми суффиксы до сих пор не рассматривались. Детально проанализированы структурные компоненты древних суффиксов, процессы трансформации на почве коми языка.

В целом работа Г. В. Федюновой — строго систематизированное исследование, которое содержит достоверное описание происхождения, становления и функционирования коми именных словообразовательных суффиксов.

Д. В. ЦЫГАНКИН (Саранск)

<https://doi.org/10.3176/lu.1982.3.20>

Т. И. Прокушева, *Инфинитив в коми языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Сыктывкар 1981.*

30 ноября 1981 года в Тартуском государственном университете на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук состоялась защита кандидатской диссертации младшим научным сотрудни-

ком Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР Т. И. Прокушевой по теме «Инфинитив в коми языке». Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор П. Алвре (Тарту) и кандидат фило-

логических наук В. И. Щанкина (Санкт-Петербург).

Т. И. Прокушева в своей работе (169 машинописных страниц) ставит целью всестороннее изучение коми инфинитива. В поле зрения автора — четыре основных момента: 1) выяснение происхождения коми инфинитива и его отношения к инфинитивным формам других финно-угорских языков, 2) характеристика коми инфинитива с фонетической и морфологической точек зрения, выявление источников и путей развития тех или иных его фонетических и морфологических качеств, 3) доказательства прошлого падежного употребления коми инфинитива через остатки современных инфинитивных форм, 4) определение его синтаксической многофункциональности. Исследование коми инфинитива в подобном плане проводится впервые; тема эта весьма актуальна.

Удаче исследования способствовало использование разнородного материала, почерпнутого как из коми литературного языка, так и из его диалектов; где это необходимо, использован материал родственных языков, особенно удмуртского. Родной язык автора — коми язык; это обстоятельство позволяет ей углубиться в детали, что в свою очередь гарантирует новизну и достоверность результатов исследования.

Работа состоит из введения, двух глав, включающих ряд разделов, и заключения.

В первой главе «Фонетико-морфологическая характеристика коми инфинитива» рассматриваются такие проблемы, как происхождение коми инфинитива, причем особое внимание уделяется наличию именных признаков в инфинитивных формах; фонетическая характеристика инфинитивного показателя; определенно-притяжательные суффиксы инфинитива; словообразовательные омонимы инфинитивного показателя *-ны*.

Автор справедливо соотносит показатель *-ны* в коми и удмуртском языках с соответствующими окончаниями инфинитива в венгерском и обско-угорских языках. К deverбальному субстантиву с показателем *-n* присоединяется лативный показатель *-k*. Эти элементы довольно рано слились в единое целое, причем исходный субстантив со временем стал восприниматься как глагольная форма. Од-

нако происхождение инфинитива от deverбальных субстантивов свойственно не только финно-угорским языкам, аналогичный путь образования этих форм прошли и индоевропейские языки, где формы инфинитива восходят к окаменевшим падежным формам имен действия (*nomina actionis*).

В целом сравнение с родственными языками, касающееся суффикса *-n*, проведено корректно. Однако нельзя согласиться с Т. И. Прокушевой в том, что суффикс *-n* якобы свойствен и некоторым формам финского инфинитива (с. 10). Здесь она ссылается на Т. Лехтисало, но это явное недоразумение: хотя партицип наряду с инфинитивом и относят к инфинитивным формам, Т. Лехтисало в данном случае имеет в виду не инфинитив, а партицип на *-nut*.

Убедителен перечень тех общих черт, которые и сегодня связывают инфинитив с субстантивами, например, возможность присоединения определенно-прилагательных суффиксов, именных суффиксов *кодъ* и *моз*, а также именного суффикса множественного числа *-яс*. Что касается последнего, то здесь мы явно имеем дело с довольно поздней диалектной чертой, но автор прав, утверждая, что нельзя это рассматривать как некое узкое фонетическое явление (такое мнение высказалось В. А. Сорвачевой).

Поскольку среди примеров с суффиксом *-яс* есть и примеры на *-ястэ* (*Сэсья сія юкныястэ оз юкны* 'Потом делить не делят', с. 15), хотелось бы видеть и анализ элемента *-тэ*, которому в данной части работы не уделено внимания. В рассматриваемой главе встречается и некоторая техническая недоработанность, напр. отсутствует коми пример хотя перевод дан (с. 14) и т. п.

Своеобразно употребление инфинитива с послелогами *вылӧ* 'на, для', *кындзи* 'кроме, кроме как', чего не знают родственные языки. Наряду с указанием на это явление хотелось бы видеть и попытку объяснить возможное его происхождение. Представляется, что здесь налицо относительно позднее явление, где послелог из конструкции субстантив + *вылӧ* в качестве контаминации перешел к инфинитиву того же корня и значения, с которым изначально он никак не мог быть связан.

Очень детально прослеживаются границы употребления инфинитива на *-ны* и *-ыны*. Этот вопрос также впервые рассматривается столь основательно. Совершенно новым моментом является подчеркиваемая автором необходимость опираться при этом на сонорную теорию. Наглядны таблицы, иллюстрирующие анализ, хотя здесь допущены некоторые неточности. В примерах из удмуртского языка не всегда правильно указано ударение. В формах повелительного наклонения *ульки* 'смотри', *шуды* 'играй' и др. (с. 30) ударение поставлено на конечном слоге. Это неверно, так как хотя в целом в удмуртском языке ударение действительно перешло на конечный слог, но имеется ряд отступлений, одно из которых и представляют собой формы 2-го лица повелительного наклонения (см. Грамматика современного удмуртского языка, Ижевск 1962, с. 47).

Дифференциация суффиксов инфинитива *-ны* и *-ыны*, как правило, не привела к семантическим сдвигам, исключение составляет *лысьтны* 'сметь' — *лысьтыны* 'дойть'. Указанное явление Т. И. Прокушева иллюстрирует примерами из художественной литературы. Отпадение конечного гласного *-ы* в диалектах получает в работе верное фонетическое объяснение (редукцией).

Детальный анализ литературных и диалектных форм инфинитива с суффиксами лично-притяжательной категории позволяет автору сделать достоверный вывод о том, к каким падежам восходят современные формы инфинитива (номинатив, аккузатив, локатив-латив).

Сравнение с локативом (инессивом) мордовского и прибалтийско-финских языков вызывает все же некоторые возражения. Дело в том, что хотя в грамматиках инессив, аблатив и некоторые другие падежи включаются в парадигму инфинитива, они по сути дела не являются прямыми соответствиями инфинитивов других родственных языков, так как, выполняя функцию наречия, скорее представляют собой формы герундия, или отглагольные наречия. Синтаксические же функции инфинитива значительно шире.

К неожиданным по фонетической структуре и труднообъяснимым формам относится удорский определенно-притяжательный инфинитив с формативом *-с*

(*мунны-с-о* 'я (мне) идти'), а также форма 2 л. мн. ч. *мунан-ныд*, образованная с участием суффикса лично-притяжательной категории *-ныд*. Можно согласиться с автором, что здесь мы имеем результат развития, базирующегося на регрессивной ассимиляции (< *мунад-ныд*). Достаточно сложны омонимические отношения инфинитива и глагольных форм, которые в работе наглядно представлены в виде таблиц.

Очень много нового для синтаксиса коми языка дает анализ синтаксического аспекта инфинитива, чему посвящена вторая глава исследования «Синтаксические функции инфинитива». Удачно подобранные примеры убеждают, что инфинитив может выступать в роли любого члена предложения: подлежащего, сказуемого в двусоставном предложении, а также в качестве вершины инфинитивного предложения, т. е. в роли сказуемого в односоставном предложении. Такое разнообразие синтаксических функций инфинитива наблюдается и в языках других семей. Однако подобный детальный анализ этих явлений на материалах коми языка, как и удмуртского, дан впервые. Интересны случаи, где как подлежащее, так и сказуемое выражены инфинитивом: *чай юны* — *абу пес керавны*, — *шпыньмуніе ямцик* 'чай пить — не дрова рубить, — улыбнулся ямцик'.

В этой части работы также обнаруживается стремление автора к основательности. Учитывается порядок слов, модальность, интонация; наряду с простыми предложениями привлечены и сложные. Как особая группа рассматриваются формы инфинитива в отрицательных предложениях. Инфинитивно-назывные предложения также отличаются от всех других видов инфинитивных предложений.

Наиболее значительные результаты исследования сжато, но в сопровождении корректного языкового материала изложены в выводах. Не вызывает возражений по существу и «Заклучение» (5 с.).

В итоге необходимо подчеркнуть, что исследование Т. И. Прокушевой имеет существенное практическое значение, так как восполняет пробел, имеющийся в ряде разделов в научной и школьной грамматике коми и других пермских языков.

ПАУЛЬ АЛВРЕ (Тарту)